

* * *

Поёт зима — аукает,
 Мохнатый лес баюкает
 Стозвоном сосняка. ①
 Кругом с тоской глубокою
 Плывут в страну далёкую
 Седые облака.

А по двору метелица
 Ковром шелковым стелется,
 Но больно холодна.
 Воробышки игривые,
 Как детки сиротливые,
 Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
 Голодные, усталые,
 И жмутся поплотней.
 А вьюга с рёвом бешеным
 Стучит по ставням свешенным
 И злится всё сильнее.

И дремлют пташки нежные
 Под эти вихри снежные
 У мёрзлого окна.
 И снится им прекрасная,
 В улыбках солнца ясная
 Красавица весна.

1910

Третье по счёту стихотворение в творчестве С. Есенина. Опубликовано в детском журнале в 1914 г., после чего его часто стали включать в детские хрестоматии и сборники для чтения. Написано строфами из шести строк с рифмовкой аабсб, характерной для европейской поэзии, — здесь поэт ещё явно искал свой стиль. Впрочем, он быстро обрёл его, обратившись к чисто русской, фольклорной метрике и стилистике.

① *Стозвон* (авторское словообразование) — многоголосый звон.

* * *

The winter sings: halloo, halloo,
 And lulls to sleep the shaggy wood
 With tolling pine-tree crowns.
 Across the sky, to distant lands
 Are sailing never-ending strands
 Of grey nostalgic clouds.

And in the yard, as white as milk,
 The blizzard lays a rug of silk,
 But it is far too cold.
 Poor sparrows cling to window frames,
 Like orphaned kids, they play no games,
 Once frolicsome and bold.

The little birds, who freeze and shake,
 Still haven't found a grain to take
 And ever closer snuggle.
 The roaring blizzard starts to bang
 On shutters that unfastened hang,
 And rages in the struggle.

But while the snowstorm whirls and blows
 The sparrows fall into a doze,
 To frosted glass they cling.
 And then they see inside their dreams
 That in the smiling sun there gleams
 That gorgeous beauty Spring.

1910

This is Sergei Yesenin's third poem, written at age 15. It was first printed in a children's magazine in 1914 and came to be often included in children's readers and almanacs. The poem lies within the European tradition adopted by some Russian poets, as is indicated by the *aabccb* rhyme scheme. Yesenin would soon abandon this form, however, as he quickly realized that he was at his strongest when relying on Russian folklore traditions.

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним — милашкину любовь.

Не нашлось моё колечко,
Я пошёл с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.

1911

Опубликовано в 1915 г. в московском журнале «Голос жизни» вместе с ещё тремя стихотворениями. Там же была напечатана благосклонная рецензия на них поэтессы и писательницы Зинаиды Гиппиус (1869–1945), в которой она отметила высокое «мастерство стиха» поэта, «слитость звука и значения, которая даёт ощущение простоты». Есенин бывал в литературном салоне у Гиппиус и её супруга, писателя и философа Дмитрия Мережковского (1865–1941). В январе 1916 г. Есенин подарил Гиппиус экземпляр своего первого сборника «Радуница», назвав её в дарственной надписи «доброй, но проборчивой» (т.е. придиричивой). Впрочем, довольно скоро отношения между Есениным и Мережковскими переросли во взаимную неприязнь и вражду, объяснявшуюся прежде всего тем, что супруги осуждали его честолюбие и склонность к разгульному образу жизни.

В форме, содержании и стилистике стихотворения очевидно влияние русской частушки.

Wreathed with daisies, by the river
I was fixing boats and staves.
Sweetheart's ring that I would give her
Slipped and sank in foaming waves.

Like a spiteful mischief-maker,
Like a wicked mother-in-law,
By a pike the ring was taken,
Sweetheart's love went down its maw.

Onto grass I walked, a griever,
With no way my loss to mend.
Then I heard it laugh, that river:
“Sweetheart has another friend.”

I won't join the ring of dancers:
They shall laugh at me; instead
In a storm I'll take my chances
A tempestuous wave to wed.

1911

The poem was published in a Moscow literary journal in 1915, along with three other poems and a favorable review by poetess and author Zinaida Gippius (1869–1945), in which she noted Yesenin's high “skill of verse” and “a fusion of sound and meaning that evokes a sense of simplicity.” Yesenin visited the literary salon of Gippius and her husband, writer and philosopher Dmitry Merezhkovsky (1865–1941). In January 1916, Sergei presented Gippius with a copy of his first printed book of poems *Radunitsa*, calling her “kind, but exacting” in his inscription. However, relations between Yesenin and the Merezhkovsky couple soon grew into mutual aversion and hostility, mainly because the spouses detested his ambition and lapses into a dissipated lifestyle.

The form, content and style of the poem are clearly reminiscent of the *chastushka* — the traditional type of humorous folk song in the form of a quatrain in trochaic tetrameter. (The English rhyme beginning “Lizzie Borden took an axe...” can serve as a near analog.) The *chastushka* genre emerged in peasant popular culture; performers of *chastushkas* would sing them in a series with a high-frequency beat and most often also danced at the same time. Yesenin as the son of peasants, who grew up in a village, was well familiar with *chastushkas*. He knew a lot of them and often recited or sang them at parties.

* * *

Закружилась листва золотая.
 В розоватой воде на пруду
 Словно бабочек лёгкая стая
 С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблён в этот вечер,
 Близок сердцу желтеющий дол.
 Отрок-ветер по самые плечи
 Заголил на берёзке подол.

И в душе и в долине прохлада,
 Синий сумрак как стадо овец.
 За калиткою смолкшего сада
 Прозвонит и замрёт бубенец.

Я ещё никогда бережливо
 Так не слушал разумную плоть.
 Хорошо бы, как ветками ива,
 Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
 Мордой месяца сено жевать...
 Где ты, где, моя тихая радость —
 Все любя, ничего не желать?

1918

* * *

On the pond, in the rosy pink water,
 Golden leaves started whirling around:
 Like a light flock of butterflies flutter
 Toward a star, hypnotized and spellbound.

I'm in love with this evening, and I
 Feel akin to this yellowing dale.
 Now, the birch's skirt goes shoulder-high,
 Raised in play by a boyish gale.

Freshness reigns in my soul and the valley,
 Deep blue shadows are flocking like sheep.
 Now a bell jingles briefly and faintly,
 Gone astray from the garden gate's keep.

I have never been so much alive
 To my body's good reason, I think.
 Like this willow, I wish I could dive,
 Branches down, into watery pink.

If I could be this half-moon tonight,
 Munching hay from the haystack, I'd love it.
 Where, where are you, my quiet delight—
 To love all, but have nothing to covet!?

1918

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне. ①

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь. ②
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Мать поэта — крестьянка Татьяна Фёдоровна Есенина, урождённая Титова (1875–1955), растила детей практически без участия отца, проживавшего и работавшего в Москве. С малых лет Сергей воспитывался у её родителей, своих деда и бабушки, в другой части села Константиново. Будучи сама неграмотной, мать дала возможность сыну учиться. Она вспоминала: «Он напишет, почитает и скажет: „Мама, послушай, как я написал“. А мы и понятия не имели, что это такое — поэзия. Ну, написал — и кладёт, и собирал всё в папку. А ведь я занята крестьянскими делами была. А у него голова была занята именно тем, чтобы читать и читать... Он читал очень много».

Стихотворение «Письмо матери» было положено на музыку композитором Василием Липатовым (1897–1965) и стало популярной песней.

① *Шушун* — род плотной кофты или телогрейки, обычно без рукавов.

② *Бредь* (авторское словообразование) — бредня, фантазия, нелепость.

LETTER TO MOTHER

Are you still alive, my dear old lady?
As am I. Hello to you, hello.
Up above your hut, may there keep steady
That untold, heart-warming evening glow.

You are worried and, although you hide it,
Miss me badly — so tells me a note;
It says you go often to the highway
In your tattered old-style sleeveless coat.

You keep seeing in the bluish twilight
Just one scene come vividly to life:
As if someone in a tavern fistfight
Plunges in my chest a bowie knife.

It's all right, my darling! Worry not:
That is only a bleak fantasy.
I'm not that much of a hopeless sot
As to die before your face I see.

Tender as before I still remain,
And I have just one and only dream:
To escape from my rebellious pain
Under our house's low roofbeam.

The poet's mother, Tatyana Fyodorovna Yesenina, née Titova (1875–1955), was a peasant woman. She raised her children practically without any help from their father, who lived separately in Moscow. From an early age Sergei was raised in the family of his maternal grandparents and uncles in a remote part of the settlement of Konstantinovo. Though illiterate herself, his mother gave her son a chance to study. She recalled in a 1955 interview: "He would write something, re-read it and say: 'Mother, listen to what I've written.' But we had no idea of what all that poetry was about. Well, after writing something, he would put it in a folder, he kept everything together. And I was busy doing a peasant's chores. But all he had in mind was reading and reading... He did read a lot."

This poem was put to music by a Soviet composer and became a popular song.

Пой же, пой. На проклятой гитаре
 Пальцы пляшут твои в полукруг.
 Захлебнуться бы в этом угаре,
 Мой последний, единственный друг. ①

Не гляди на её запястья
 И с плечей её льющийся шёлк.
 Я искал в этой женщине счастья,
 А нечаянно гибель нашёл.

Я не знал, что любовь — зараза,
 Я не знал, что любовь — чума.
 Подошла и прищуренным глазом
 Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
 Нашу прежнюю буйную рань.
 Пусть целует она другова,
 Молодая, красивая дрянь.

Ах, постой. Я её не ругаю.
 Ах, постой. Я её не кляню.
 Дай тебе про себя я сыграю
 Под басовую эту струну.

Льётся дней моих розовый купол.
 В сердце снов золотых сума.
 Много девушек я перещупал,
 Много женщин в углах прижимал.

① *Мой последний, единственный друг.* — Как следует из варианта стихотворения, известного по рукописной копии, оно обращено к Александру Борисовичу Кусикову (1896–1977), поэту-имажинисту, который познакомился с Есениным в 1918 г. и тесно с ним дружил. В 1921 г. Есенин и Кусиков выпустили небольшой совместный сборник «Звёздный бык». В 1922 г. Кусиков уехал за границу и больше в Россию не возвращался. Он сопровождал Есенина во время его поездки по Европе с Айседорой Дункан.

Sing now, sing. On the blasted guitar
 Your quick fingers are dancing, well bent.
 How I wish to be carried afar!
 You're my last, you're my only true friend. ①

Do not look at her wrists uncommon
 Or the silk round her shoulders and neck.
 I was searching for joy with that woman,
 But I stumbled on ruin and wreck.

I did not know that love was an arrow,
 I did not know that love was a bane.
 She came up to me with her eyes narrowed
 And so drove me, a brawler, insane.

Sing, remember the former days, brother,
 When we used to go wild like damned.
 I don't care if she kisses another,
 That young and beautiful tramp!

Oh no, wait. I don't blame or despise her.
 Oh no, wait. She is not a vile thing.
 Let me sing about my getting wiser
 To the sound of this mellow bass string.

Rosy days fleet around in a whirl,
 In my heart golden dreams keep blooming.
 I have felt up many a girl,
 I have cornered many a woman.

① *My last, ... my only true friend.* — As follows from a variant of the poem (known in a handwritten copy), this friend is Aleksandr Kusikov (1896–1977), a fellow Imaginist poet and close friend of Yesenin's, who met him in 1918. In 1921, they jointly published a small book of poetry entitled *Zvyozdny Byk* ("The Star Bull"). In 1922, Kusikov left Russia, never to return there. He also accompanied Yesenin in his travels across Europe with Isadora Duncan.

Да! есть горькая правда земли,
 Подсмотрел я ребяческим оком:
 Лижут в очередь кобели
 Истекающую суку соком.

Так чего ж мне её ревновать.
 Так чего ж мне болеть такому.
 Наша жизнь — простыня да кровать.
 Наша жизнь — поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
 Этих рук роковая беда.
 Только знаешь, пошли их на хер...
 Не умру я, мой друг, никогда.

1923

That is right! As a boy, I could learn
 What the bitter this-worldly truth is,
 When I saw several dogs lick in turn
 A bitch giving off her juices.

Why be jealous of her? There's no need.
 Why should I be upset or frowning?
 Our life is a bed and a sheet.
 Our life is a kiss before drowning.

Sing, do sing! The quick hands of this chap
 Are the source of a fatal end.
 But you know, to hell with this crap...
 I will never be dead, my friend.

1923

* * *

Грубым даётся радость,
Нежным даётся печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна,
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов... Я робкий...
Глянь на бутылок рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

1923

* * *

Joy's for the rough and gritty,
Grief, for the gentler breed.
There is no one I pity,
There is nothing I need.

I pity myself a little,
I pity stray dogs a lot.
That road, fairly straight and simple,
Brought me to this drinking spot.

Hey, devils, why am I scorned?
Aren't I this country's son?
Each of us here has pawned
His pants for a drink—each one!

Eyes bleary, at windows I squint,
My heart feels heavy and sultry.
All soaked in sunlight, the street
Is being rolled out in front of me.

In the street stands a snotty boy.
The air's oven-baked, no breeze blows.
The boy is brimming with joy
And is busy picking his nose.

Pick your nose all you want, sweetheart,
Stick your finger up, all of its length,
Only, when searching your heart,
Do not apply similar strength.

I'm timid... I'm not at all daring...
Look at my army of bottles!
See also the corks I am gathering:
They are my soul's stoppers.

1923

- 1895 Сергей родился 3 октября по н. ст. (21 сентября по ст. ст.) в селе Константиново Рязанской губернии. Мать — Татьяна Фёдоровна Есенина (урожд. Титова, 1875–1955), отец — Александр Никитич Есенин (1873–1931). Отец практически постоянно жил в Москве, где служил приказчиком в мясной лавке.
- 1901(?) Из-за размолвки с мужем Т. Ф. Есенина вместе с Сергеем переезжает из дома родителей мужа в дом своих родителей и уходит на заработки в Рязань. Сергеев воспитывают в семье Титовых дед, бабка и трое дядьёв.
- 1904–1909. Сергей учится в Константиновском четырехгодичном земском народном училище и заканчивает его с похвальным листом.
- 1905 (ноябрь). В связи с рождением Екатерины, сестры Сергея (ум. в 1977 г.), Т. Ф. Есенина с детьми возвращается в дом родителей мужа.
- 1909–1912. Сергей учится в учительской школе в селе Спас-Клепики. Пишет стихи. Начало его сознательного творчества относится к 1911–1912 гг.
- 1911 (март). У Сергея рождается сестра Александра (Шура; ум. в 1981 г.).
- 1912 В июле Сергей приезжает в Москву и поселяется у отца. Поработав с отцом в мясной лавке, в августе или сентябре устраивается продавцом книг.
- 1913 (февраль). Оставляет службу в книжной лавке. Устраивается корректором в типографию «Товарищество И. Д. Сытина». С июня участвует во встречах Суриковского кружка (см. примечание на с. 16).
- 1913 (сентябрь) — 1914 (май). Учится на I курсе Московского народного университета имени А. Л. Шанявского по плану историко-философского цикла.
- 1913 (ноябрь). Есенин попадает на учёт в Московское охранное отделение за участие забастовках и политических акциях рабочих сытинской типографии, и за ним устанавливается негласная слежка.
- 1914 Журнал «Мирок» в нескольких номерах (начиная с первого) печатает стихотворения Есенина (в т. ч. «Поёт зима, аукает...» — см. с. 8). Первый гонорар Сергей целиком отдаёт отцу. В течение года поэт публикует стихи и в других журналах и газетах.
- 1914 (март). Вступает в неофициальный брак с Анной Романовной Изрядновой (1891–1946), корректором типографии Сытина.
- 1914 15 марта. У Есенина рождается брат Алексей (ум. в начале 1916 г.).
- 1914 В июне Есенин увольняется из типографии и уезжает из Москвы в Константиново. В июле совершает поездку в Крым, но в августе, после объявления Германией войны России, возвращается в Москву.
- 1914 В сентябре Есенин устраивается корректором в типографию торгового дома «Чернышёв Д. и Кобельков Н.». Продолжает слушать лекции в университете им. А. Л. Шанявского. В октябре поселяется в съёмную комнату вместе со слушателем университета Георгием Николаевичем Пылаевым (1894–1937).

- 1895, October 3 (New Style; September 21 Old Style*): Sergei is born in the settlement of Konstantinovo, Ryazan Governorate, to mother Tatyana Fyodorovna Yesenina (née Titova, 1875–1955) and father Aleksandr Nikitich Yesenin (1873–1931). The father lived in Moscow, where he worked as a sales clerk at a butcher's shop.
- 1901(?) Because of tense relations with her husband and mother-in-law, Tatyana moves with Sergei to her parents' house and then leaves for Ryazan to earn some support money for her son. Sergei is raised by his maternal grandparents and three uncles.
- 1904–1909. Sergei studies at the Konstantinovo four-year public school and finishes it with commendations.
- 1905, November: after Sergei's sister Yekaterina is born (d. 1977), his mother returns with the two children to her husband's parents' house.
- 1909–1912 Sergei studies at a teachers' school in the settlement of Spas-Klepiki. He dated the start of his "conscious creative work" in poetry to 1911 or 1912.
- 1911, March: Sergei's sister Aleksandra (Shura) is born (d. 1981).
- 1912, July: Sergei comes to Moscow and stays with his father. After working for a while with his father, takes a sales clerk's job at a bookshop in August or September.
- 1913, February: quits the bookshop to take a proofreader's job at the Sytin print shop. June: joins the Surikovites literary and musical circle (see the note on p. 17).
- 1913, September — 1914, May. Attends evening courses at the History and Philosophy Department of A. L. Shanyavsky Popular University.
- 1913, November: Yesenin is put on file and placed under surveillance by the Moscow Security Police for involvement in actions by workers of the Sytin print shop.
- 1914: The magazine *Mirok* is the first to start publishing Yesenin's poems, including "The winter sings: halloo, halloo..." (see p. 9). The poet gives all of his first fee to his father. He publishes poems also in other magazines and newspapers during the year.
- 1914, March: enters into unofficial marriage with Anna Izryadnova (1891–1946), a proofreader at the Sytin print shop.
- 1914, March 15. Yesenin's brother Aleksei is born (d. early 1916).
- 1914, June: Yesenin quits the print shop and leaves Moscow for Konstantinovo. July: makes a trip to the Crimea. August: returns to Moscow after Germany declares war on Russia and World War One begins.
- 1914, September: Takes a job as a proofreader at a print shop. Continues to attend lectures at Shanyavsky University. October: moves into a rented room together with his university classmate, Bolshevik Georgy Pylayev (1894–1937).

*Old and New Style are names of the Julian and Georgian calendars, respectively. Russia switched to the latter in 1918, but the former is still used by the Russian Church. Unless indicated otherwise, the dates in this timeline prior to 1918 are given in the Old Style.